

Александр Механик

Как ответить на вечные вопросы российской истории

Директор Института философии РАН Андрей Смирнов — о вечных вопросах российской истории и ответах на них

Директор Института философии РАН академик Андрей Смирнов

Когда-то великий французский философ и математик Рене Декарт написал: «Философия... одна только отличает нас от дикарей и варваров, и каждый народ тем более цивилизован и образован, чем лучше в нем философствуют; поэтому нет для государства большего блага, как иметь истинных философов». В наше время люди все так же нуждаются в целостном разьяснении вещей — в том, чем и занимается философия. Большая часть вечных философских вопросов все так же на поверхности, и каждый человек в наши дни хотя бы раз задавался одним из них, пытаясь найти ответ, а значит, философствуя. И чем больше информации, а часто и дезинформации получает современный человек, тем более нужна философия как тренажер критического мышления.

В России размышления на тему, что есть мы, что есть Россия, что делать и кто виноват — любимое занятие широких

народных масс, которые, возможно не осознавая этого, занимаются самой что ни на есть философией. Многие из нас осознают необходимость осмыслить современное состояние России, выработать мировоззрение, которое способно объединить страну, чтобы преодолеть стоящие перед ней проблемы.

Но в стране есть организация, работающие в которой люди занимаются этими проблемами профессионально: Институт философии Российской академии наук. Мы встретились с его директором академиком РАН **Андреем Смирновым**, чтобы обсудить, как решаются эти вечные вопросы российской философии. А о том, что философское осмысление происходящего востребовано, говорит широкая дискуссия, возникшая вокруг статьи одного самодельного, можно сказать, философа, известного крупного чиновника, в которой он рассуждал о путях развития России.

— В этой статье использован такой образ: верховный правитель и некие живые нити, которые ведут к нему и по которым он чувствует биение пульса глубинного народа. Это органическая, даже биологическая метафора. Одновременно использован образ машины для характеристики того же объекта. Но машина — это механическая метафора. Органическая и механическая метафоры противоречат одна другой.

А если есть внутренняя противоречивость языка, это значит, что на самом деле осмысление не складывается, одни осколки: нечего предложить. Это просто конгломерат разных мыслей, которые еще не оформились во что-то подлинное, что можно было бы обсуждать как концепцию.

Но ведь действительно это проблема: почему европейские политические формы оказались у нас прикрытием для олигархии и для совершенно безумного и угрожающего социального расслоения. Это надо обсуждать, и обсуждать серьезно.

Показательна даже не сама статья, а масштаб откликов на нее. Значит, поднятые в ней проблемы действительно насущны, будоражат умы. А значит, на них должен быть дан философский ответ. В девяностые годы мы решили, что у нас уже есть готовый ответ. Ведь мало кто протестовал против «либерального», «европейского» выбора России, против «вхождения в мировую цивилизацию». Помните, как нас пугали тем, что мы окажемся «на обочине истории»? Надо, мол, поскорее назад, в общую колею. Тогда не услышали тех, кто призывал подумать, а не поддаваться заклинаниям о неизбежности готового «выбора». А сейчас эти вопросы возвращаются. Но на это ушло почти тридцать лет. Это же огромный срок. Не знаю, сколько еще лет понадобится, чтобы на них ответить. Может, еще тридцать?

— *Действительно, прошло тридцать лет. Я все ждал, что появятся люди, которые осмыслят происходящее с разных точек зрения. Но этого не произошло.*

— Такие были и есть. Скажем, Панарин, Ахиезер, Цимбурский, Толстых, Межуев и многие, многие другие, если говорить только о нашем институте. У нас много лет работал замечательный клуб «Свободное слово», в котором выступали со своими размышлениями видные писатели, политики, общественные деятели тех лет. Но тех, кто не готов был рукоплескать однозначному выбору того времени, просто не слышали. Почему? Потому что они не были на гребне волны. Может быть, если бы сегодня они говорили, их бы лучше услышали. Слышат философа или нет, зависит не только от философа, это зависит прежде всего от слушающего.

Сейчас у нас такое многоголосие, что мы не слышим друг друга. Главное же, что отсутствует базовый консенсус по поводу основного вопроса: кто мы, что мы, зачем мы? А когда нет такого согласия, то нет и пророков. Они и не появятся, пока мы сами, внутри самих себя, не почувствовали, кто мы. Мы не сможем опознать пророчество как пророчество, даже если оно будет провозглашено среди нас.

Все это означает, что наше общество растрепано, не собрано. Функция философии, конечно, не собрать общество — она не может этого сделать. Но ее функция — так влиять на общественное сознание, чтобы инициировать собирательный процесс, способствовать ему. Предложить те модели, то осмысление, которое может стать основой общественного согласия по поводу стержневого вопроса, о котором я сказал: кто мы и зачем мы в истории и на карте мира.

— *Но есть ощущение, что философия, по крайней мере в России, переживает кризис и поэтому за нее ответ ищут дилетанты.*

— Да, часто говорят, что философия переживает кризис. Некоторые даже говорят о «смерти философии». В самом деле, после Канта философия оказалась перед вызовом: как философствовать в условиях, когда мы отказались от традиционной

парадигмы европейской философии — субстанциализма. Что в этих условиях будет темой философии и как философия сможет найти то всеобщее, что она ищет и без чего ее нет? Действительно, сегодня мы, думаю, не решимся назвать фигуру, равнозначную Канту или Гегелю, но, во-первых, для того, чтобы такую фигуру увидеть, надо немножко отодвинуться по времени. Может быть, Гуссерль, может быть, Хабермас, может быть, Витгенштейн, может быть, Делёз или кто-то еще станет таким же гигантом для историков мысли будущего; а может быть, все они. А во-вторых, нет ничего страшного в том, что философия сейчас переживает некий кризис. Кризис обычно предшествует обновлению, скачку в неизведанное. Ведь и в целом культура, если брать европейскую культуру, конечно, переживает сегодня период излома. Точно так же мы можем сказать, что нет больших художников, нет больших писателей, которые были еще в середине двадцатого века. Где такие фигуры, как, скажем, Хемингуэй или Сартр? Этот кризис — общекультурное явление, это кризис проблематики, потеря ориентиров. О потере ориентиров часто говорят применительно к России, но я думаю, что и на Западе сбиты ориентиры.

— *Ориентиры идеологические или философские?*

— Мировоззренческие. Присущая Европе картина мира, основания которой заложены античностью и христианством, стала объектом критики нововременной философии и науки. Вначале критике подверглась религия во имя разума. А в двадцатом веке объектом критики разума стал сам разум. Если авторитет не Бог, тогда авторитет — это разум. Но если и разум не авторитет, тогда кто авторитет? Твоя страсть? Как вижу и что хочу, то и будет? Но мировоззрение предполагает, что есть какие-то устойчивые константы, которые мы принимаем и считаем их незбылемыми: что такое добро, что такое зло, как можно поступать, как нельзя, кто авторитет, кто не авторитет. А как только вы теряете единственность истины, что и произошло в так называемом постмодернизме, у вас начинают сбиваться мировоззренческие ориентиры. Но и раньше в истории цивилизации случались кризисные периоды, когда менялась парадигматика общественного развития. И сейчас мы живем в подобную эпоху.

— *А чем тогда сейчас занимается философия?*

— Она занимается, в общем, тем же, чем занималась всегда, — это так называемые вечные вопросы философии. Они вечные не потому, что вообще не имеют решения, а потому, что продолжают служить импульсом к новым и новым решениям. Это с одной стороны. А с другой — она занимается сейчас больше, чем когда-либо, сознанием человека, поскольку сознание человека, его внутренний мир, включая нравственность, — это то, что не может изучаться естественно-научными методами, несмотря на все успехи нейронауки и ее ответвлений, таких как нейролингвистика. Все это безумно интересно, гигантские интеллектуальные силы задействованы в этих областях. Здесь нас ждут прорывы в смысле практических приложений (искусственный интеллект и тому подобное), но не в смысле решения фундаментальной проблемы сознания. Ведь ясно, что вы не можете перебросить мостик от материального к внутреннему, к идеальному. Этого моста просто не существует, потому что если бы он был, то не было бы разделения на внешний и внутренний мир. И вся проблема в том, как наше сознание делает мир осмысленным для нас и как оно соотносится с миром. Возьмите тот же антропный принцип...

— *А что это значит?*

— Станным образом физический мир подогнан под нас так, что трудно поверить, будто это лишь случайность. Крошечное изменение значений целого ряда фундаментальных физических констант сделало бы невозможным появление человека. Действительно ли «объективный мир» абсолютно

Фреска работы Рафаэля в Станце делла Сеньятура Ватиканского дворца «Афинская школа». В центре Платон и Аристотель

объективен и независим от нас? Я думаю, что будущие открытия в философии и появление новых великих фигур будут связаны с прорывом в этой области, в области понимания сознания. Поскольку нынешние философские парадигмы, скажем парадигма аналитической философии или парадигма феноменологии, не дают удовлетворительного ответа на вопрос, что такое сознание.

— **Вы сказали о вечных вопросах философии...**

— Если коротко, то это вопрос о соотношении нашего бытия и нашего мышления. Ведь мы уверены, даже если этого не осознаем, что наше «я», независимо от изменений в нашем теле, изменений нашего социального положения, возраста и всего прочего, остается тем же самым. Потому что если бы это было не так, то как бы я чувствовал ответственность за прошлые поступки, как бы я планировал будущее, как бы я надеялся, уж возьмем такой вопрос, на загробную жизнь, если я верующий человек? Но это означает, что мое «я» не материальное. Потому что все, что материально, все, что составляет моё тело, — все это изменяется, а «я» остается тем же самым. Если вы от этого откажетесь, то как вы сможете строить свою жизнь, как может существовать общество, как может существовать понятие социальной справедливости, ответственности, закон и все прочее? Это все завязано на этом.

Точно так же мы с воздухом культуры впитываем убеждение, что мир един. Ведь никто не думает, что в Америке яблоки падают по-другому закону. Или что, скажем, за углом время течет иначе, чем здесь. Я помню, что в детстве у меня не было представления, что время едино. Я воображал, что приятель, которого я долго — пару месяцев — не видел, наверное, уже седой старик. Но потом что-то происходит, и мы впитываем фундаментальные философские идеи о том, что время одинаково для всех. Что это нечто вроде общего вместительного события. Неважно, как это соотносится с современными физическими теориями, но мы представляем себе мир так. Ньютоновская картина мира, хотя физики сегодня отказались от нее, входит в наше сознание. И мы считаем, что мир един. Ведь мы не думаем, что разными частями мира управляют разные законы. А это всё фундаментальные философские идеи.

Но если это так, то надо ответить на вопрос: а в чем причина единства этого мира? Ведь если он расщеплен на две столь разные части, как мое внутреннее «я», за которое отвечаю только я, и внешний мир, над которым «я» не властно и который не властен над моим «я», то как они соединяются — и соединяются ли? Вот вам проблема сознания. Возьмем законы математики, которые я открываю только внутри себя и только в своем сознании. Ведь чисел нет вовне, как нет функций и прочего. Вы не найдете во внешнем мире математических объектов: здесь исчисляемое, но не числа, аргументы и значения функций, но не сами функции. Но именно то, чего нет в мире, — математические законы — управляют миром. Вот фундаментальная загадка: как может быть так, что разум открывает в самом себе то, что является большей истиной мира, чем сам мир? Сам мир — это совокупность случайно ведущих себя вещей, но закономерность ему придаем мы. И фундаментальное единство — это то, что придаем ему мы. Вот и получается, что мир ведет себя так, как мы ему предписываем.

— **И как это осознать?**

— Это именно задача философии: задуматься над оправданностью обыденной картины мира, которая в голове у каждого человека, осознать и проблематизировать ее. Это уже шаг к профессиональной философии.

Но мир разнообразен, и каждая культура проблематизирует мир по-своему. Недавно состоялся всемирный философский конгресс в Пекине, и ведущей его идеей, которая звучала и на пленарных заседаниях, и на открытии, и на закрытии, было понимание того, что нет какой-то единой, общей для всех философской традиции. Причем говорили это западные философы. Мировая философия — это как лес, в котором растут разные деревья. И каждая из традиций имеет собственную логику, собственное строение, собственный категориальный аппарат, так что обсуждать какую-либо проблему нельзя, оставаясь только в рамках европейской философии. Необходимо понимать, как это обсуждается в китайской, индийской, японской, арабо-мусульманской традиции.

А что это значит? Это значит, что европейская философия делает шаг к тому, чтобы расстаться со своим вековым

представлением, что только она является философией как таковой, а все прочее — это недофилософия или псевдофилософия. Другие страны, другие континенты сейчас уже вышли на арену мирового развития как самостоятельные силы. Скажем, тот же Китай, совершивший громадный экономический рывок. Но он удался только потому, что Китай знает, откуда он идет и куда, он осознает свою историческую судьбу, а значит, он понимает, что такое китайское мировоззрение. Он знает, что такое Европа, но он знает также, что такое Китай и для чего он существует в мире. Это тоже одна из важных функций философии — отвечать на вопрос, для чего мы существуем в мире. «Мы» — люди вообще и «мы» как большие культурные общности: Европа, Китай, Индия, Россия. Что такое Россия? Она представляет собой что-то самостоятельное или это всего лишь часть Европы? Если часть Европы, то как это понимать? Если это что-то самостоятельное, то как это понимать: для чего она в мире, что будет, если ее не будет? Эти вопросы, мне кажется, сейчас выходят на первый план. Но одновременно возникает вопрос: как совместить разные системы мировоззрения, разные философские традиции, как найти мост к взаимопониманию? Это очень серьезные вопросы, на которые должна отвечать философия. И это вызов для нее.

— **А в чем вы видите разницу, скажем, между европейской, русской и китайской философией?**

— Я не буду говорить о Китае, потому что я не специалист. А что касается европейцев, то начиная с греков, если брать в целом вектор развития мысли, европейское мировоззрение и философия построены на понятии субстанции. Оно выработано как ответ на вопрос, как возможно познание мира, если тот постоянно меняется, если он каждую секунду — другой. Получается, если вы что-то познали в данный момент, то в следующий момент ваше знание уже бесполезно. Если представить, что у нас в голове нет никаких формул, никаких чисел, вообще ничего, что придумал наш разум, а мы только воспринимаем мир как он есть, то мы увидим лишь эту изменчивость. Все мельтешит, ничего не остается, все утекает, а значит, ничто не может быть познано. Думаю, что в эпоху предшествовавшую тому, что Ясперс назвал «осевое время»*, человеческое мышление было именно таким: мир для него был текуч, в нем не было никакого постоянства, и могло происходить все, что угодно. Это была эпоха мифологического сознания. Та эпоха, когда люди еще не научились фиксировать мир, останавливать его. Задумайтесь, какое право вы имеете употреблять слова? Например, как вы можете употреблять слово «книга», если все, что вы называете словом «книга», совершенно разное? Ведь все это разные предметы. На каком основании вы слово «человек» употребляете? Ведь вы же, вообще говоря, каждый раз вводите себя и своего собеседника в заблуждение, потому что вы одним и тем же словом называете разные вещи. Но все-таки мы имеем право употреблять язык с конечным набором слов, а не с бесконечным, потому что мы считаем, что в вещах есть какая-то устойчивость, есть что-то постоянное и повторяющееся.

— **Это и есть субстанция?**

— Да. И тут оказывается, что индоевропейские языки и греческая философия удачно соотносятся друг с другом. Я не

говорю, что между ними причинная связь, ни в коем случае. Для греческого мышления, для Платона, Аристотеля устойчивостью — это то, вокруг чего собираются разнообразные признаки. А то, вокруг чего собираются разнообразные признаки, и есть субстанция, сущность вещи. Сущность не меняется, а признаки могут меняться. Тогда человек — это субстанция. Он может быть молодым, старым, белым, черным и так далее, но он остается человеком. Европейское мышление привыкло видеть мир субстанциально устойчивым, и язык очень хорошо к этому пригнан. Он не является причиной этого мировоззрения, но он пригнан к этому.

А арабское мировоззрение находит устойчивость в другом — в категории действия. Мир устойчив как система повторяющихся и неслучайных действий, осуществляемых действителями в отношении того, что претерпевает действие. Мир перестает мельтешишь, в нем появляется повторяющиеся — и в этом смысле устойчивые — структуры как структуры действия. И арабский язык хорошо пригнан к этому типу мировоззрения. Таким было арабское мировидение до ислама, это определило основные линии и исламского мировоззрения. И именно эта линия, «линия действия», а не «линия субстанции», разработывалась собственно арабской философией — той, что возникла до греческого влияния и развивалась вне его. Это же касается таких важнейших наук классической арабомусульманской цивилизации, как юриспруденция (фикх) и языковедение.

Эти две линии задают разное мировоззрение. Возьмем вопрос свободы. Если вы придерживаетесь «линии субстанции», вы обязаны исповедовать две идеи, известные со времен греков. Первая: «ничто не возникает из ничего». В физике это выражено как закон сохранения. Вторая: «все, что случается, случается на достаточном основании». В физике и других науках это выражено как закон причинности: вы можете считать, что объяснили что-то, если нашли причинное объяснение этому.

Это всем известно. Но если так, то в мире нет свободы: все подчинено причинности и закону сохранения. А свобода возможна только как свобода от этих двух ограничений. Поэтому для европейской философии и в Средневековье, и сегодня, вопрос о том, как обосновать свободу человека, — это не просто важнейший вопрос, это сложнейшая проблема. Камень преткновения. Либо вы признаете тотальную закономерность, либо вы признаете царство свободы, — но тогда в этой закономерности возникает разрыв. Отсюда и попытки тех, кто исповедует сциентистское мировоззрение, ликвидировать полностью свободу воли, доказать, что ее нет. Что, скажем, решение поднять руку вы принимаете уже после того, как в мозгу произошли процессы, обусловившие — вот она, причинность и достаточное основание — это решение. Тогда свобода воли — фикция. Европейское мировоззрение обречено на несовместимость этих двух начал: причинности и свободы.

А для мировоззрения, которое центрировано на действии и действителе, свобода вообще не ставится под сомнение, не является вопросом. Потому что действитель не может не быть свободным — это аксиома. Понятие свободы и свободного действия органично для этого мировоззрения. Мутази-литы, первое крупное направление в исламской философии,

*Осевое время у Карла Ясперса — время между 800 и 200 гг. до н. э., когда закончилась победой духовная борьба за свободу мысли и совести против древней мифологии и родового сознания. Победители — философы, поэты и трагики в Древней Греции, пророки в Древнем Израиле, в Китае — даосы и Конфуций, в Индии — авторы Упанишад и Бхагавад-Гиты, а также Будда, в Иране — Заратуштра. В эту эпоху были заложены основы мировых религий, созданы предпосылки современного мышления и культуры, сохраняющие значение до сих пор, и во многом преодолен изоляционизм во имя универсальности. «В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью» (Ясперс). В частности, философия позволила человеку углубить, расширить и осмыслить опыт своего возвышения над окружающим миром и над самим собой и осознать свою причастность Высшему бытию, опыт своей внутренней свободы по отношению к миру.

М. В. Нестеров. Философы (С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский), 1917.
Государственная Третьяковская галерея

однозначно утверждали свободу человека как действителя наряду с Действителем-Богом, но дальше развитие исламского мировоззрения пошло по линии отрицания того, что человек является истинным действителем. Это было уступкой религиозному постулату единобожия, понятому как единственность Действителя. Но сама по себе свобода здесь органична для действителя, кем бы он ни был — человеком или Богом. Именно поэтому в исламской мысли не возникает проблемы теодицеи — ее ставили в каком-то смысле только мутазилиты, но не ашариты и матуридиты, уж тем более не ханбалиты или иные течения.

— *А есть ли особенности у российского философствования?*

— Думаю, да. Хотя сам вопрос «что такое русская философия» относится к числу дискутируемых. Я выскажу свою точку зрения.

Нередко высказывалось мнение, в том числе в религиозных кругах, что отличие русского православного богословия от западной теологии состоит в том, что теология рационалистична, тогда как православное богословие мистично. Поэтому для теологии ориентир — Аристотель и Аквинат, а для нашего богословия — восточные отцы Церкви. Западная теология процветала в университетах, а столпы православной духовности жили в пустынях и пещерах.

Эту православную русскую традицию потому именовали — весьма неточно — «мистической», что она искала целостности. «Тоска по целостности» — так я называю эту основополагающую черту русского мировоззрения. Греческая, европейская рациональность построена, напротив, на той стратегии, которую называют атомизмом, на «атоме как методе». Как выразился Марк Криницкий, начать с мельчайшей субстанции и из нее возвести конструкцию. А путь русской мысли — иной: начать с целостности, поскольку мир, разобранный на ато-

мы, не восстановит свою целостность, как разбитая чашка не склеится в целую.

То же можем увидеть и в русской философской мысли — при всем огромном, даже давящем влиянии западной философии и характерных для нее парадигм. В девятнадцатом веке в русской философии и литературе начинает обсуждаться фундаментальная проблема, выраженная через противопоставление двух категорий — «всечеловеческое» и «общечеловеческое».

Идея здесь очень простая: либо вы признаете право каждой большой культуры на своеобразие, на то, чтобы строить свою жизнь в соответствии с тем, как она видит ее сама, на основе своего мировоззрения и своей логики, либо вы считаете, что все культуры идут по одной дороге, а значит, есть какая-то ушедшая вперед, даже уже достигшая максимального совершенства, и тогда тот, кто впереди, — для вас ориентир и образец для подражания. В таком случае вы исповедуете универсализм, который я называю «универсализм императивности»: есть только одни, обязательные для принятия всеми, формы мировоззрения, формы рациональности, политические формы, формы устройства общества. Либо вы считаете, что большие культуры идут по разным дорогам: они могут быть параллельны, могут расходиться, но главное, что это не одна дорога, они построены на разных основаниях, и каждая выявляет какую-то сторону человеческого духа больше, чем все другие. Мы можем понять другую культуру, но это не значит, что мы должны стать другой культурой. Это тоже универсализм, но «универсализм понятности». Универсализм понятности предполагает собирание всех культур. Не подгонку под единый стандарт, а сохранение каждой — это и есть «всечеловеческое». А универсализм императивности хорошо проявил себя в категории «общечеловеческое», и он беспощаден к тем, кто в этот стандарт не хочет укладываться.

История России, во всяком случае в монгольский и послемонгольский периоды, сложилась так, что Россия создавалась как многосубъектное или даже всесубъектное образование. Это было государство, где разные культуры, включавшиеся в нее, существовали как самостоятельные, как целостные. И хотя политика русификации проводилась, все-таки она была такой, что сохранялась целостность этих культурных образований. Это поле многосубъектности, или всесубъектности, в конце девятнадцатого — начале двадцатого века называли соборностью. Я имею в виду не церковный термин, а термин философский. Такая соборность — как хор, в котором никакой голос не пропадает и каждый различим, каждый важен. Это не индивидуальный крик и не рев толпы, а именно хор. Думаю, что хоровая парадигма органична для России, ее истории, ее мировоззрения. И в этом, конечно, ее отличие от Европы.

Простой пример. В отличие от Европы мы не то государство, куда приехали, скажем, мусульмане-иммигранты, Россия — государство, где они жили веками. И если брать территорию современной России, то ислам здесь возник раньше, чем христианство. И поэтому говорить, скажем, об однозначно православной идентичности России — далеко не безобидная вещь. Идентичность России не православная, и не мусульманская, и не буддистская, и не атеистическая, а именно всесубъектная. Это такая идентичность, где все мы образуем хор. Как только хор превращается либо в одногласие, либо в отдельные голоса, где каждый хочет перекричать другого, или все голоса нивелируются — тогда государство, общество, культура у нас распадаются.

Главное, что мы должны понять: вопрос о судьбе России, о том, что такое Россия в истории, что такое современное российское общество, — это вопрос, на который должны отвечать прежде всего мы сами. Мы не найдем ответов на эти вопросы в чужих книжках и учебниках. ■